

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»
Византизм есть прежде всего особое лицо
образованности или культуры, имеющее
свои отличительные признаки, свои общео-
бщные, резкие, понятные начала и свои
определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит —
самодержавие.

В религии он значит христианство
с определенными чертами, отличающими
его от западных церквей...

«Что такое славян?»

Ответа нет!.. Славян, каковы
во всецелости своей, есть еще
офенис, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 1e5f5408-3a18-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Панславизм и греки

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

#1	0005
I	0006
II	0030
III	0047
IV	0063

Константин Леонтьев

Панславизм и греки

Январь, 1873, Царьград

Я только что возвратился из путешествия по Македонии.

В столице всегда сильнее и всегда заметнее движение умов, хотя бы и по такому вопросу, которого источники и основы в провинции.

Печальное ожесточение греков и болгар друг против друга, сильное всюду, сильное, к несчастью, издавна, здесь, в Царьграде, принимает более яркие краски. Сюда стекается все, и все отсюда исходит; здесь главные представители и вожди движения; отсюда рассылаются инструкции, открытые и тайные, по всем второстепенным городам; здесь иноверная государственная власть искусно колеблется между двумя христианскими народами, которых примирить может только постепенно и со временем либо общая усталость, либо какая-нибудь великая гроза неожиданных политических катастроф. Царьградские газеты принимают в этой борьбе более или менее горячее участие. «Courrier d'Orient» защищает болгар; «Phare du

Vosphore» потворствует грекам; в первой газете проглядывает желание расположить славян к *чему-то* вроде латинства или уверить их в симпатиях галло-романского племени; во второй – как будто бы германец внушает греку: «Не бойся славянского варварства; я с тобою!» «Turquie», которая считается официальным органом правительства, сдержанна и осмотрительна, как сама местная власть... Из всех провинций, где греки живут или только встречаются с болгарами, приходят сюда известия о непрерывной и пламенной борьбе: то болгары оскорбляют греков, собравшихся служить в Руцуке греческую особую обедню; то греки в газетах доносят на какие-то болгарские замыслы против Турции; то «Courrier d'Orient» стращает Турцию панэллинизмом; то в Тульче в кофейнях драки между молодежью, какой-то молодой грек Каравиас оскорбляет болгар; то из Серреса раздаются греческие вопли, что богатые купеческие семьи, считавшиеся до сих пор эллинскими, переходят на болгарскую сторону. Греческое духовенство требует, чтобы болгарское переменило камилавки. Болгары негодуют, будто бы

патриарх хочет, чтобы Порта велела болгарам носить камилавки *красные*, для большего позора. В одном македонском городе умирает молодой болгарский учитель; в народе проходит слух, что его отравили греки. Клевет, гнева, жалоб пристрастных, – с обеих сторон потоки! Однако ум беспристрастный, не подкупленный страстями борьбы, может, мне кажется, становясь попеременно и искренно то на место болгар, то на место греков, понять и тех и других и, соглашаясь, конечно, *что болгары несравненно правее*[1], объяснить и даже извинить в некотором смысле отчаяние греков. Богатые населенные страны ускользают из рук их племени, гордого, энергического, умного и трудолюбивого. Эллинизация Балканского полуострова – «великая идея» – становится невозможностью...

Пусть так, гнев на болгар несправедлив ни в христианском, ни в административном, ни в этнографическом смысле; но он несколько понятен, и причины, возбуждающие его, ясны не только для самих греков, но и для всякого беспристрастного наблюдателя.

Однако на чем, скажите мне, основан гнев

эллинской так называемой интеллигенции против России?

Почем русские должны быть во всем *заодно* с болгарами?

Быть может, *полная солидарность* русских с болгарами не была бы выгодна ни тем, ни другим. Где доказательство, наконец, этой полной солидарности?

На чем основывают греки свои опасения? Что значит для них слово «панславизм»?

«Панславизм» значит для греков не что иное, как «государственное объединение всех славян» едва ли не прямо под русскою державой.

Какие у них доказательства тому, что правительство русское может находить это выгодным для себя и для России и, наконец, для всего славянства?

Почем они знают, наконец, что думают об этом сами болгары?

Болгары думают совсем *не то*, они думают совсем *иначе*. Болгары говорят себе так: «Обведем около нашей отсталой, бедной, но молодой и сильной духом народности волшебный круг неприкосновенности. Отпадем

прежде всего от греков; оградим себя *потом* от сербских притязаний и от того, что нам покажется излишним в русском влиянии. Вот нам что нужно. Что касается турок, то они всех менее опасны. Иноверный и инородный мусульманин может вредить нам менее, чем кто-либо. Он может вредить лишь *вещественно...*»

У греков, у турок, у многих европейцев и даже у многих русских, к сожалению, вопрос славянский является каким-то переводом немецкого вопроса на русский язык.

Какая грубая ошибка!

В Германии *одна и та же нация прожила долгие века раздробленная на тридцать с лишком самобытных государств и под властью своих национальных династий.*

У славян нашего времени, *по крайней мере, пять-шесть наций, из которых большая часть не жили почти вовсе самобытною государственною жизнью, ибо у большинства этих отдельных наций государственная жизнь была прервана в начале развития иноземным завоеванием.*

У немцев – *усталость* от долгого государ-

ственного сепаратизма.

У славян – *нетерпеливое желание* пожить скорее независимую государственною жизнью.

Немцы – *нация*.

Славяне – *племя*, разделенное на отдельные нации языком, бытом, прошедшей историей и надеждами будущего.

Немцы могли соединиться в одно *союзное государство* (Etat confédéré).

Славяне могут составить лишь *союз отдельных государств* (Confédération d'Etats).

Этнографически немецкое государство и немецкую нацию можно уподобить большой планете, около которой есть только два одноплеменных спутника германского племени – Голландия и Скандинавия.

Россия – планета со многими спутниками, похожими этнографически не на Баварию или Ганновер (Баварию или Ганновер можно было бы уподобить лишь отдельному Новгородскому или Малороссийскому царству), а на Голландию или Швецию. Разница, во-первых, в том, что вместо *двух* одноплеменных наций у России есть: чешская нация, болгар-

ская, сербская, словацкая, польская, пожалуй, иллиро-кroatская отдельно и т. д.; а во-вторых, исторические условия сложились так, что Голландия и оба скандинавские государства ждут и боятся завоевания со стороны Германии, опасаются *прекращения своей государственности*; а большинство славянских наций привыкло надеяться на помощь России, на *развитие своей государственности* при содействии России.

Судорожная, вполне немецкая, *сжатая*, как стальная пружина, Пруссия Фридриха II, Блюхера и Бисмарка на просторную, пеструю и медленную Россию ничуть не похожа.

Для Пруссии *выгодно* было завоевать и присоединить *отдельные немецкие* государства; для России *завоевание* или вообще слишком тесное присоединение других славян было бы роковым часом ее разложения и государственной гибели. Если одна Польша, вдобавок разделенная на три части, стоила России столько забот и крови, то что же бы произвели *пять-шесть* Польш?

В польских делах, до последнего времени, ни Пруссия, ни даже Австрия не могли быть

вполне свободны против нас.

В случае многих Польш, ни с кем не поделенных, весь мир, и Европа, и Азия, будут нам враждебны.

Потрудились ли греки подумать обо всем этом?

Вы видите, я ничего не говорю о сочувствиях, о страданиях и т. п. Все эти сердобольные фразы ни к чему не ведут. Откровенное обращение к интересам эгоистическим – вернее. Если эгоизм государственного долга совпадает с преданиями, с привычными сочувствиями и т. п. вещами, очень высокими и важными (но не всегда политическими), тем лучше: тем больше можно верить так называемому бескорыстию сильной державы.

Афинские краснобаи и мудрецы с французскими бородками и даже умные, опытные фанариоты забыли еще вот что:

Россия знает, что кроме чехов, болгар и т. д. есть еще румыны, мадьяры и греки; она знает, что две первые не соплеменные ей нации самую природой вещей вставлены, так сказать, в славянскую оправу, принуждены быть инородными островами в этом славянском

море и будут вынуждены разделить его судьбы волей и неволей, то есть теснее или свободнее примкнуть, в случае распада Австрии и Турции, к тому союзу государств, о котором я говорил выше.

Что касается греков, то хотя их географическое положение делает их более, так сказать, свободными, чем румыны и мадьяры по отношению к этому славянскому морю, но зато их коммерческие интересы, противоположные интересам Англии, Италии и Франции на Востоке и в Средиземном море, рано или поздно оттолкнут их совсем от Запада и бросят их тоже в объятия славянства.

Континентальная мощь соседнего славянства, его земледельческий характер и даже особенности его гения, более мануфактурного, чем гений новогреческий, будут необходимыми условиями для процветания такой в высшей степени торговой и мореходной нации, как греческая. Греки неизбежно станут комиссионерами Востока, и сам Суэцкий канал будет в их руках. Россия вполне ли сознательно или инстинктивно, но может предчувствовать еще и такие обстоятельства, при ко-

торых именно *инородные* племена – греки, молдо-валахи, а может быть, даже и мадьяры – будут согласнее с нею, чем южные и западные славяне.

Я, пишущий эти строки, нисколько не желаю падения Турции; напротив того, дальше я постараюсь доказать, что Турция всем нам нужна: русским, болгарам и грекам. Я думаю, что она в некоторых случаях может стать для нас самым естественным и верным союзником.

Но когда уже говорится о панславизме, страшном для греков, то необходимо предполагать не то чтобы совершенное падение турецкого племени, или не то чтобы разрушение *всей* Турецкой империи, – все это вовсе не нужно для панславизма; я говорю, что при рассуждении о панславизме необходимо предполагать только одно: *удаление мусульманского правительства за Босфор, перенесение столицы ислама в Бруссу, Багдад или Каир*.

Ибо, пока столица султана в Царьграде, пока он владеет болгарскими и сербскими странами, турки уже достаточно обеспечивают

греков от всеславянского государства одним присутствием своим по сю сторону Босфора.

Но, становясь на точку зрения греческих опасений, допустим, что турки оставили европейский берег, что Австрии тоже нет и что на развалинах двух соседних держав этих образовались царства: Чешское, Угро-Словацкое, Троединое Иллирийское королевство, царства Сербское, Болгарское и Молдо-Валахское, с присоединенною Трансильванией. Все они между собою составили союз и вступили в какую-либо особую политическую связь с Россией, связь, которой характер и форму могут определить только неуловимые теперь обстоятельства.

Смысл этого союза был бы, конечно, оборонительный против Западной Европы, коммерческий, вместе с тем, таможенный и т. п.

Союз этот может быть весьма единодушен, если дело коснется притязаний со стороны или столкновений с интересами Запада; но можно ли ручаться, что он будет всегда единодушен в собственных недрах своих? У каждого из этих государств будут свои особые интересы, в которых они могут расходиться как

между собою, так в особенности с Россией.

Если провинции одного и того же государства имеют очень часто противоположные интересы и вступают друг с другом в политическую, торговую или даже иногда и вооруженную борьбу (например, Юг и Север Америки, провинции республиканской Франции во времена террора и т. п.), то как же можно думать, чтобы все эти славянские племена, *которым, повторяю, так страстно еще хочется государственной самобытности и сепаратизма*, жили бы между собою в вечном идиллическом согласии? Связь между ними может быть тесна лишь настолько нужно, чтобы Запад *знал свое место*.

У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно- или юго-славянским миром.

Между прочим, важный вопрос, могущий поселить несогласие между славянами, с одной стороны, и Русскою Империей – с другой, есть вопрос *о государственной форме России*. Соприкасаясь беспрестанно в тысяче мелких ежедневных интересах с Россией, славяне не остались бы равнодушны к той *государствен-*

ной форме, в которую вылилась политическая жизнь русского племени. Задача в том, будет ли *им нравиться* эта форма?

Например, насколько теперь мы знаем славян и австрийских, и турецких, они все конституционалисты.

В России же много людей, которые находят *подражательный* конституционализм своего рода предрассудком.

Они находят, что конституционализм естествен и благотворен только в Англии, где он выработался не путем философствования и подражания, а, так сказать, *наивно* или эмпирически, ибо англичане имели все задатки его дальнейшего существования еще в то время, когда они были так же просты и неразвиты, как нынешние албанцы со своими беями.

Скажем даже больше... Повторим здесь слова одной из не слишком давних заметок «Русского вестника»: «Английский король есть, в сущности, монарх самодержавный; никакая особая, писаная конституция, никакая *современная charte*[2] не ограничивает его прав; но ограничение его власти происходит путем обычая, общественного мнения и вооб-

ще вследствие организации страны».

Такого рода русские люди думают, что *поражательные* конституции Франции, Испании и других континентальных стран только испортили их *естественную государственную форму* и повергли их в состояние периодической анархии... Но много ли таких людей между юго-западными славянами?

Особенности их истории сделали для них магическим слово «свобода». А *магический*, кажется, вовсе не значит *логический*... И в России есть много людей, которые шепчутся о *дальнейшем развитии* наших учреждений. И в печати слышишь постоянно: «Франция, в которой распоряжался самовластный император, не могла...»

Или: «Страны *свободные*, подобные Америке или Англии, могут всегда...» и т. д.

К счастью, *особенности* русской истории сделали то, что в настоящее время так говорят и пишут большею частью только люди бездарные или поверхностные. Более способные или практически опытные признаются, по крайней мере, что для нас это еще слишком рано. Основываясь на этом *отлагатель-*

стве, человек, который бы боялся для России учреждения собрания законодательного и министерской ответственности, может, не без основания, подняться на следующую комбинацию:

«Все эти искусственные континентальные конституции, Бог даст, успеют скомпрометировать себя окончательно в глазах социальной науки и общественного мнения к той поре, когда мы, русские, объявим себя *созревшими...*»

Тогда и поверхностные практики, вечно едва поспевающие вскочить на запятки за неудержимую колесницу идей, скажут про все искусственные конституции то, что они давно уже стали говорить о столь славной, во время оно, французской централизации и об испанских *делах...*

Неудержимое расширение России в Азии – расширение, которое не только не ослабевает, но, напротив, усиливается после всякого урона или разочарования нашего на Западе, – также будет всегда требовать сильного сосредоточия *не жизни и быта, как во Франции, а лишь государственной, высшей политиче-*

ской власти...

У юго-западных славян иное положение.

Куда *без нас* будут расширяться эти другие славяне?

А жить *с нами*, под знаменем нашего давнего, последовательного, многотрудного исторического развития, они, ничем пред историей не обязанные народности, свободные от высших исторических задач, вероятно, не захотят...

При образовании того оборонительного союза *государств*, о котором я выше говорил, непременно выработается у юго-западных славян такая мысль, что крайнее государственное *всеславянство* может быть куплено только ослаблением *русского единого государства*, причем племена, более нас молодые, должны занять первенствующее место не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жажде жить и властвовать, но и необычайно могучему положению своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфором.

Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом паде-

ния царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев».

Греки об этом никогда не думают...

Греки не думают также о том, что Россия чисто славянской державой никогда не была, что ее западные и восточные владения, расширяя и обогащая ее культурный дух и ее государственную жизнь, стеснили ее славизм разными путями, которые людям, знакомым с русской историей, известны недурно теперь и которые станут еще понятнее и известнее по мере большей разработки русской истории.

Греки вообще дурно понимают вопросы внутренней политики не только при суждении о столь мало знакомой им России, но даже и об Европе Западной, которой языки, газеты и книги им ближе известны. О страшных социальных вопросах они говорят вообще мельком и небрежно. Все внимание их устремлено на дела международные. Это понятно в их положении. Однако именно наш пример может служить лучше всякого дока-

зательства тому, что внешняя политика державы определяется неизбежно внутренним устройством ее политического организма.

Пусть так, скажут мне добросовестные греки, мы сожалеем, что всего этого мы не брали в расчет, но ведь для нас все равно, вы ли или сербо-болгары будут преобладающим племенем во всеславянском государстве. Во всяком случае, нам, элинам, это соседство опасно.

Поэтому-то, отвечаю я грекам, старайтесь препятствовать панславизму, сколько хотите, если вы боитесь; но помогут вам в этом деле не нападки на Россию, которые ожесточают против вас общественное мнение наше, как и везде не слишком дальновидное в международных делах.

Повторяю вам, Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа. И если, становясь на точку зрения вашего гнева и ваших опасений, я допущу на минуту, что Турции и Австрии уже нет и что на место их образовался тот союз государств, о коем я выше говорил, то необходимо будет прийти к следующему результату.

Россия, при сношениях с этой восточной федерацией независимых государств, неизбежно будет во многом больше сходиться с *инородными* племенами этого союза, с румынами и греками, даже и мадьярами, чем с юго-западными славянами.

Россия будет естественным защитником этих слабейших и отчасти старейших наций против весьма возможных посягательств со стороны славян юго-западных, жадных, упорных и властолюбивых, как все долго, но искусно подавленные молодые и грубые народности.

Греки, умные греки, где ваш ум?

Вы незнакомы с предметом, о котором тревожитесь; ваше невежество во всех вопросах, касавшихся славянской истории и устройства Российской Империи, лишило этот и быстрый, и резкий ум ваш всяких дельных оснований.

И какие доказательства у вас в руках, что Россия во всем сочувствует болгарам? Писали у нас и за них, и против них, и за вас, и против вас. Их поступка 6 января никто особенно не хвалил. Многие находили только, что пат-

риарху, во внимание к умиротворению Церкви, следовало бы пастырски простить, а не объявлять схизму.

Кто говорит *простить*, тот признает *вину*.

Болгары, мы знаем, вовсе не агнцы, это народ хитрый, искусный, упорный, терпеливый, народ, который заботится теперь лишь о том, чтобы выделить свою народность какими бы то ни было путями из других, более выросших соседних наций.

Болгары не станут, поверьте, стесняться и с нами, русскими, как скоро увидят, что мы не вторили всем увлечениям их племенного раздражения. Они это уже и доказали, и мы это знаем коротко. Болгары посягают уже осю пору и на сербское племя в старой Сербии, рассылая туда свое духовенство и своих учителей, чтоб отбить этот край не только церковно у вашего племени, но и *этнографически* у сербов.

Болгары не агнцы; болгары, придвинутые к Босфору, болгары при устьях Дуная; болгары, у которых горсть людей богатых, искусных и горячих ведет за собою покорную силу нескольких миллионов безгласных, терпели-

вых и полудиких селян; болгары, которым всего выгоднее, как они сами иногда сознаются, быть заодно с турками; болгары, которые могут слиться со временем с воинственными сербами; болгары *теперь* доказали, что их *пора настает*, что уже прошло то время, когда они были жертвы или агнцы. У агнца выросли острые зубы и крылья. Он сам полетит и сам защитит себя. Обстоятельства ему благоприятны, и как ни горько это вам, греки, а надо сознаться, что за болгар *и правда в прошедшем, и сила в будущем...*

Грустно вам, что Фракия и Македония ускользают от вас... Я это понимаю. Но чем же виноваты русские в том, что во Фракии и Македонии живут люди, которые греками быть не хотят?

И вы, и болгары одинаково можете быть обвинены в *филетизме*, то есть во внесении племенных интересов в церковные вопросы, в употреблении религии политическим орудием; но разница та, что болгарский *филетизм* оборонительный, а ваш завоевательный. Их филетизм ищет лишь очертить пределы своего племени; ваш ищет перейти пре-

дела эллинизма.

Вот в чем их правда и в чем сила их, а хвалить литургию 6 января русские не должны, и те русские, которые знают Восток, не хвалят ее.

Русские не виноваты в том, что во Фракии и Македонии больше болгар, чем греков.

Зачем же вы не думали об этом раньше? Зачем вы не погречили болгар школами? Зачем не окрестили их эллинским духом столет назад, когда *идея политической народности еще не была в ходу?*

Не было силы тогда?

Это правда.

Но чем же тут виноваты русские, которые вместе с вами не раз лили кровь на поле чести, которых вы когда-то, братья-греки, просвещали и учили и вере, и быту, которые вам, со своей стороны, столько раз помогали и вместе с вами делили столько торжеств и столько поражений?

История прошедшего связала нас с вами, если хотите, даже ближе и теплее, чем с болгарами, у которых и не было никакой порядочной истории... И знайте, что в близком бу-

душем вы помиритесь опять с нами; опять будете нам братья-греки и друзья... У болгар есть братья и помимо нас, и *выбор их свободнее* вашего... А вы, греки, вы *сироты* в этнографии, и кроме Русской державы, старой между славянами, пресыщенной размерами и властью, снисходительной и осторожной, у вас нет друзей...

Вы верите в Германию?

Стыдитесь вашего политического ребячества!

Нынешние правители Германии поняли, кажется, что *Drang nach Westen*[3] вернее, чем напор на созревающий Восток...

И если бы Россия серьезно захотела вам вредить, то, поверьте, эти правители Германии предадут вас русским с радостью из-за малейшей уступки им по западным делам.

А если правительство в Германии изменится, если дух бездарных либералов возьмет верх над стойким духом императора Вильгельма и Германия станет тогда враждебна России, то Германии не поздоровится тогда между оскорбленной Россией и Францией, остервенившейся от ужаса и мести!

Не обманывайте себя надеждами ни на силу Германии, ни на ее сочувствие к вам.

Вот что я хотел бы ответить грекам, которые не умеют отличать русских интересов от болгарских стремлений.

Я думаю, если бы греки не подозревали везде за болгарами русских, они были бы покойнее. Не надо думать, что в этом чувстве есть какая-нибудь *физиологическая* ненависть к русским. За что же? Нет, это просто естественный расчет и рассуждение боязни. Народ малочисленный трепещет за чистоту и целостность своего племени при мысли о *слиянии* в одно 120 миллионов соседних славян. Славянской истории ученые греки вовсе не знают; характер русского государства, которое, с одной стороны, как мы уже говорили, чисто славянским никогда не было и не могло быть, а с другой – расширяться на юго-запад без вреда самому себе более не может, этот характер им незнаком и непонятен.

– Вы, славяне, наши естественные враги! Мы должны отныне поддерживать турок, – говорил мне раз с одушевлением молодой и очень образованный греческий епископ. – Пока существует Турция, – продолжал он, – мы еще обеспечены. Панславизм дружбой, единоверием, соседством своим опасен нам более,

чем военной силой, которую, мы уверены, против нас не употребят. Но смешанные браки, необходимость знать тогда славянский язык и тысяча подобных условий могут стереть племя эллинов с лица земли. Вот почему Турция нам нужна и критские дела были одной из величайших ошибок афинской политики.

– Никто на Турцию и не посягает, – отвечал я ему. – Ноты нашего министерства были всегда составлены в таком духе, что Россия не может оставаться равнодушной к жалобам христиан. Пусть Турция сумеет успокоить и удовлетворить своих христианских подданных, и Россия будет ей самый верный друг.

– Я верю, что теперешнее правительство русское искренно в своих словах, – сказал епископ. – Оно это не раз доказало; в 29-м году, во время войны Турции с Египтом, в 66-м и теперь, недавно, оно могло бы поступить вовсе иначе. Но люди проходят, правители и интересы изменяются... Тогда что? Болгары – народ грубый, без вас они ничего не сумели бы сделать...

– Во-первых, берегитесь впасть во француз-

ские ошибки, – отвечал я этому молодому и пылкому епископу. – Французы до 66-го года беспрестанно смеялись над невоинственностью немцев, над их несогласием и писали в газетах и книжках своих о том, что французы рождены для военной славы, англичане для политической свободы, а немцы для философии и кислой капусты. Теперь французы этого не пишут. Нации умнеют и крепнут незаметно, и болгары давно уже не нуждаются в русских помочах. А вы все считаете их, как вы говорите, простыми и грубыми *толстоголовыми* на том основании, что безграмотное сельское население болгарских стран грубее, невежественнее и проще вашего живого, грамотного, политикующего греческого просто-народья... Но смотрите, не сила ли эта проста-болгарская? У вас мешается в дела всякий, и разногласица у вас великая во всем; у болгар немногие вожди, обученные у вас, у нас, на Западе, увлекают за собою легко эту простодушную толпу.

Болгарская история только что начинает расти; ваша скороспелая народность далеко зреее. Это не всегда выгодно. И, с другой сто-

роны, югославяне вовсе не так послушны нам, русским, как вы думаете. Я видел тому много примеров. Приведу один. В одном из городов Фракии основалась несколько лет тому назад небольшая православная болгарская школа для противодействия униатской школе, основанной в том же городе польскими священниками, под очень явным покровительством консульств французского и австрийского. При начале учреждения новой болгарской школы в униатском училище было около 90 учеников. Благодаря стараниям молодого и энергического болгарского учителя, благодаря согласию двух православных консульств, русского и эллинского, благодаря, наконец, участию, которое в этом деле приняли не только влиятельные болгары этого города, но и греческий архиепископ и некоторые богатые греки, к концу первого года в униатской школе осталось не более десяти детей, все остальные перешли мало-помалу в православную.

В училище к концу года был назначен публичный акт.

Русский консул, который видел явное по-

кровительство католических консулов униятам, не находил нужным скрывать слишком тщательное свое внимание к школе православной, пригласил с собою на этот акт греческого консула и самых значительных греческих патриотов, чтобы болгары видели доброжелательство местных греков. Греки охотно согласились. Что же сделал молодой болгарский учитель?

Под конец акта он вынул из кармана писанную по-болгарски речь и дал ее читать одному из лучших учеников своих.

Речь была наполнена нападками на греков. «Грцкый Патрик»[4], «Фанар», «отеческое правительство султана, спасающее болгар от греков» и т. п.

К счастью, речь была невелика, кончилась скоро, и ни один из греков хорошо по-болгарски не понимал.

Консул русский был справедливо возмущен фанатическою невежливостью молодого болгарина, у которого во все время чтения этой непристойной речи глаза блистали от радости. Он призвал его к себе и сказал ему, что только во внимание к его способностям и

трудолюбию не хочет лишать его места, ибо на это, как ему хорошо известно, силу и средства русский консул имеет, что его просят впредь оставить в школе привычку повторять «Грцы-ты», «Грцы-ты»[5], и так как на кого-нибудь нападать, по-видимому, неизбежно, то пусть твердит «франки-ты», «франки-ты»[6], ибо школа основана для противодействия католицизму, а не эллинизму, который, наконец, во Фракии и не силен, и не страшен. Вот один пример. И таких бездна. А вот и другой из греко-сербских был.

Критское восстание, все греки это знают, было возбуждено не Россией, а Францией и афинскими патриотами. Россия его опасалась и не желала; но когда оно разыгралось, что оставалось делать России, этому старшему брату православия на Востоке? Этому старшему брату оставалось сказать себе: я воздерживал пылкого младшего брата, сколько мог; он меня не послушал; это грустно; но теперь я не могу вовсе покинуть его в беде. Русское правительство тогда начало сколько возможно умерять советами гнев турок; русское посольство своим ходатайством у Порты спасло

жизнь пленным эллинам, взятым с оружием в руках; русское консульство в Крите, открыто пользуясь *правом убежища*, не выдавало критян, скрывшихся за стены консульского дома; престарелый русский консул в Крите, г. Дендрино, страдавший в то время ужасною болезнью, имел мужество, не сходя с постели, принимать участие во всех бурных и страшных делах, кипевших тогда на прекрасном и героическом острове. Русские суда перевозили в свободную Элладу критских женщин, детей и раненых или уставших повстанцев.

Русские *независимые* газеты возбуждали южных славян против турок на помощь грекам.

Один болгарин издавал даже нарочно с этой целью, как говорили тогда, газеты, брошюры в Валахии на болгарском языке.

И что же? Болгары остались спокойны и равнодушны; искусственное движение около Рущука осталось искусственным и не нашло благоприятных условий для развития в болгарском населении. Сербы же, вместо того чтобы подать помощь грекам, воспользовались этой трудной для Турции минутой, что-

бы очистить от турецких войск свои крепости.

Россия доказала еще недавно, что *она действительно* не ищет гибели Турецкой империи, и этот мирный инстинкт ее, не внимающий запоздалым крикам некоторых пустых публицистов, ведет ее лишь к добру, как увидим дальше. Да, Россия и тогда не искала разрушить Турцию, но она могла желать, чтобы несколько *бóльшая настойчивость* югославян принудила Турцию отдать Элладе Крит, которого прекрасные горы и цветущие долины так бесплодно обагрялись кровью отважных афинян и благородных островитян.

Сербы и болгары имели *свои*, *вовсе не русские* желания.

Что было делать России?

Вот что я ответил тогда греческому епископу.

Вот что я хотел бы сказать и всем грекам.

Россия, повторяю я, доказала, что она разрушить Турцию не ищет. Это давно уже стали повторять между собою тайком и христиане; в последнее время, хотя и немногие, но умные турки стали тоже подозревать, что *это*

может быть и в самом деле правда.

Да, это так. Но вот в чем дело:

Положение Турецкой империи (особенно по сю сторону Босфора) справедливо могло внушать опасения, справедливо могло подать повод назвать Турцию «больным человеком».

Но больной человек не значит еще человек *умирающий*; больные выздоравливают, и даже неизлечимые, в сущности, болезни как у людей, так и у государственных организмов имеют свои послабления и улучшения, до того иногда долгие, что организм проживает обыкновенную длину жизни, погибая, однако, но гораздо позднее, иногда от той же или сходной болезни, а иногда вовсе неожиданно от иной случайности.

Могли ли мы оставаться равнодушны при виде подобного состояния дел в Европейской Турции, и не имели ли мы, я не говорю *права* (мы устали от этих *разных прав*, которые каждый толкует по-своему!), а *необходимости* спросить себя: «Владелец этого соседнего государственного здания богат; с ним мы жили попеременно то дурно, то дружески; его отношения к нам мы уже знаем; но ввиду столь-

ких опасных и могучих соперников (если не всегда врагов) наших на Западе, нам надо знать *на всякий случай*, в какое отношение станут к нам его *возможные* наследники, эти местные племена, соединенные к тому же с нами кто историей нашей, а кто и кровью?»

Вот почему Россия всегда поддерживала христиан на Востоке; она знала, что если *не она*, так *другие* будут поддерживать их *на всякий случай*.

Россия может не искать разрушения Турецкой империи, но она не могла и стать *поручителем* за ее существование в ее теперешних пределах, когда в недрах ее были беспрепятственные волнения, бунты, когда жалобы то на притеснения, то на слабость власти раздавались со всех сторон, когда финансы были постоянно расстроены, когда западные агенты командовали в этой империи, как в завоеванной стране.

Давно ли французские консулы, под предлогом союзничества и добрых советов, оскорбляли ежедневно самых почтенных и полезных пашей? Они смягчились только после Седана. Турки это знают хорошо, и пото-

му, раз оправившись от потрясения, произведенного в их среде известием о поражениях французских войск германцами, за которыми они думали видеть восстающую из мирного отдыха своего Россию, – раз оправившись от этого первого и неосновательного испуга своего, турки все в один голос стали *неволью*, инстинктивно радоваться добрым урокам, которые получала от потсдамских юнкеров знавшаяся и наглая французская буржуазия.

Англичане лично вели себя в Турции всегда лучше французов, просто вследствие лучшего *лично* воспитания, но в дела мешались не менее французов и готовы были всегда поддерживать в чем угодно и христиан, лишь бы не в открытых восстаниях. Всякий искал обратить Турцию в какую-то чуть не вассальную страну. С какой же стати одна Россия, видевшая все это, оставалась бы бездейственной и не старалась бы то тем, то другим путем привлечь к себе сердца *возможных* наследников беспрестанно потрясаемой державы?

С какой же стати русские агенты оставались бы равнодушными, когда Англия почти

дарила Греции Ионические острова, когда Франция явно ласкала болгар, обещая им все, чего они хотят, за переход в униатство, когда Австрия в начале шестидесятых годов до того явно возбуждала национальные страсти сербского племени, что простое мусульманское население сербских стран было доведено до иступления, и турки *не раз* стреляли в австрийского консула в Мостаре.

Не *самой* Турции, не султану Россия была и должна быть враждебна; она была и должна быть враждебна западным интригам, которые до сих пор так беспрепятственно разыгрывались в недрах организма Турецкой империи, – организма сложного и потрясенного развитием новых, посторонних исламу народностей.

Россия и по истории своей, и по географическому положению, и по религии своей, и по племенным особенностям имела гораздо более других держав основания искать привлечь к себе сердца *возможных* наследников, в случае *возможного* (я не говорю *неизбежного* или *желательного*, а в случае лишь *возможного*) ухода турок за Босфор.

Всегдашняя опасность для России – на Западе; не естественно ли ей искать и готовить себе союзников на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство, тем лучше. Но если Турцию никогда сила Запада не допускала до этого союза, должна ли была Россия смиряться пред Западом?

Кто же потребует этого?

Россия думала найти естественных союзников в молодых христианских нациях Востока. Она поставила себе правилом: *поддерживать и защищать гражданские права христиан и вместе с тем умерять по возможности пыл их политических стремлений.*

Такова была разумная и умеренная деятельность *официальной* России на Востоке. *Неофициальная* Россия – Россия газет, книг и частных сборищ – была, правда, менее широка и умеренна; в ней действительно замечался *узкий славизм*. Так, например, славянский съезд 67-го года надо было бы заменить *Все-восточным* съездом; это было бы и величавее, и менее оскорбительно для *не-славян*... Но ошибки общественной недалёковидности легко исправимы в тех странах, где сильная

власть, *внимая* иногда и «общественному мнению», не вынуждена, однако, униженно ползать пред ним. Россия, говорю я, искала сколько могла *исполнить желания христиан*. Болгары вначале *просили* только школ и литургии славянской, Россия помогала им и *просила* греков быть помягче и посправедливее. Греки местами *просили* тоже помощи на школы (например, для женских школ в Превезе, в Халки, в Буюк-Дере) – эту помощь им давали. Греки *просили* риз и утвари церковной – им посылали ризы и утварь. Греческие монахи маленьких и бедных монастырей в Эпире и других местах Турции посылали старые хрисовулы московских царей в Россию – и им высылали по хрисовулам денег сколько могли. *Беднейшие греческие* обитатели на Афоне жили и живут русскими добровольными подаяниями и наперерыв испрашивают себе право на сборы в России; *богатейшие греческие* монастыри на том же Афоне (Ватопед и Ивер) живут: один доходами с богатых бессарабских имений, другой доходами с монастыря св. Николая в Москве.

Греки желали присоединить себе Крит;

Россия *просила* Турцию отдать им Крит. Болгары *просили* сначала полунезависимую иерархию у греков, Россия *просила* греков и турок хоть сколько-нибудь удовлетворить их.

У России особая политическая судьба: счастливая ли она или несчастная, не знаю. Интересы ее носят *какой-то нравственный характер* поддержки слабейшего, угнетенного. И все эти слабейшие, и все эти угнетенные, до поры до времени, по крайней мере, стоят за нее.

В Польше за правительство крестьяне-мазуры, а не дворянство; в Белоруссии еще больше... В Финляндии кто за Россию? Не столько шведское *дворянство*, сколько завоеванный *финский народ*. В балтийских провинциях сельские эсты и латыши, по мнению многих, надежнее для нас, чем владетельные немцы. В Туркестане, говорят, полевое кочующее население полуязычников киргизов, плебейство Туркестана, довольнее русскими, чем владетельным племенем сартов, мусульман. Греки жаловались на угнетение от турок – Россия защищала их; болгары жаловались на притеснения от греков – Россия защищала их.

Даже в Индии, слышно, и мусульмане и индусы имеют предсказания в пользу уруса и против *инглеза*... Имя *Белого* царя, говорят, известно в Индии.

Такова особая, любопытная политическая судьба этой *деспотической* России.

Интересы этой державы везде более или менее совпадают с *желанием* слабейших. По крайней мере, на время, то там то сям, по очереди. Это вовсе и не искусство, это исторический *fatum*[7]. Это выходит иногда против воли. Правительство наше сначала опиралось больше на дворянство польское, чем на народ. Дворянство это взбунтовалось, и правительство обратилось к народу.

Каковы же теперь желания турецких христиан, болгар и греков?

В чем состоят их *существенные* ближайшие интересы? Что им нужно прежде всего – не для материального существования, конечно, а для их национального развития?

Падение Турции? О нет! Напротив: и грекам и болгарам нужно удержание турок на Босфоре, нужно сохранение целостности Турецкой империи; турки нужны теперь и тем и

другим. И нужны они не с *моей* личной или какой-нибудь теоретической только точки зрения и не с точки зрения каких-нибудь дальновидных *русских* интересов. Нет, турки нужны и грекам и болгарам с точки зрения именно *крайней эллинской* и *крайней болгарской*.

А если так, то, сообразно *желаниям* единоверцев наших, турки необходимы и для русской политики, этой всегда *фаталистически умеренной*, всегда *инстинктивно средней*.

Основательнее доказать все это я постараюсь в следующем письме.

Грекам турки на Босфоре нужны как *средство предохранительное от развития того панславистического государства, которого они так опасаются.*

Пока турок на Босфоре, говорит себе теперь крайний грек, панславизм невозможен; и нам бороться против него легче при существовании Турецкой империи в ее нынешнем составе. Действовать против панславизма всеми путями в Константинополе даже несравненно легче, чем в Элладе. Наши конституционные формы имеют свои стеснительные стороны; в Турции, в последнее время, стало удобнее для широкого ведения подобных дел. С одной стороны, возможность народных движений, подобных тем, которыми мы терроризовали патриархию, заставив ее объявить *схизму*; с другой – самодержавная власть, при которой, однажды расположив к себе людей силы, можно скорей и верней обеспечить успех всех возможных усилий.

Так говорят греки. Болгары – подданные

султана, и греки тоже: Элладе принадлежит всего полтора миллиона греков, большинство принадлежит Турции. У греков больше средств политических, посредством влияния эллинской дипломатии, которая теперь в большом согласии с турками; больше средств умственных, посредством открытия стольких литературных обществ, больше средств коммерческих и т. п.

Болгар в Турции зато гораздо больше; они, правда, не имеют *вне Турции* своего политического центра, как греки в Элладе; но это не всегда невыгода. Болгары не имеют *своих* государственных людей, *своей* дипломатии, которая бы *извне* помогла им; но зато они *цельнее*: они все вместе под властью султана, и потому интересы их не раздроблены; они не имеют двух сильных центров, подобных Фанару и Афинам, которые сегодня согласны, но завтра могут прийти в столкновение по какому-либо отдельным интересам.

Итак, при существовании Турции борьба довольно равна, и греки, справедливо столь гордые своим дарованием и своею энергией, могут еще надеяться если не на торжество (то

есть на ниспровержение новых болгарских порядков), то, по крайней мере, на долгий и серьезный отпор развивающемуся во всех отношениях болгарству.

Турция, одна Турция, думают греки, может не допустить сербов слиться с болгарами, может покровительствовать несправедливым притязаниям болгар на сербское племя в старой Сербии и таким образом держать эти два соседние славянские племена в долгом антагонизме. Турция, под эллинским руководством, может препятствовать России слишком влиять на болгар и т. д.

– Союз с Турцией, с Германией, с Англией, с кем угодно, чтобы только охранить себя от всеокрушающего потока панславизма!

Вот что восклицают самые крайние греки. Они и правы отчасти, если стать на их недоверчивую к славянам точку зрения и если предположить, с другой стороны, что Турции грозит какая-нибудь решительная опасность от славян.

Но дело в том, что именно самые пылкие и крайние болгары тоже желают сохранения Турции.

Я начал второе письмо мое словами греческого епископа; приведу здесь *с натуры* слова одного болгарского архимандрита, человека, жившего долго в России, умного, ученого и в высшей степени энергического.

– Нам одно желательно, – сказал он мне, – чтобы султан стал со временем *и царь болгарский*. Это выгоднее всего для нашей незрелой народности; это лучше всего может предохранить ее не только от греков, но и от поглощения сербами и... от других, – прибавил он, смеясь и взяв меня за руку.

В одном печальном и грязном хану, в глухом болгарском городке, посетил меня один скромный, но порядочный учитель.

– Нам, славянам, прежде всего надо опасаться Австрии, – сказал он. – Греки теперь нам уже не страшны. Но немец, своей высшей цивилизацией, цивилизацией христианскою, во всяком случае, – может гораздо глубже вредить нам *духом*, чем турок. От турок религия отделяет нас глубоко: турки могут вредить нам *вещественно*; но что делать! Надо терпеть некоторые неудобства для высшей цели.

Дальше ничего он мне не сказал, мы с ним виделись первый раз; но я понял *и дальше*.

Итак, если греки в последнее время стали смотреть на Турцию как на лучший оплот панславизму, то болгары смотрят на нее как на охранительный покров, под которым вернее может окрепнуть их зеленая и еще слабая народность, не страдая от духовного и сглаживающего влияния народностей соседних и родственных им, но более их зрелых, просвещенных и крепких.

– Без турок, в настоящее время и надолго, мы *слабее* всех на свете; вместе с турками мы сильнее и греков и сербов, ибо нас *больше*, ибо мы *все вместе райя*, и не разбиты ни как греки на *две половины*, турецкую и свободную, ни как сербы на *четыре* части: турецкую, австрийскую, черногорскую и белградскую. Мы никогда не бунтовали, как греки и сербы, мы *сознательно* не хотели помочь им во время их движений. Поэтому мы имеем право на доверие правительства. У нас нет независимых центров, вроде Цетинья, Афин и Белграда, из которых, при случае, может грозить туркам война; у нас нет *династий* своих,

нам *нечего* присоединять к независимому центру; у нас нет ни Крита, ни Боснии, ни Эпира, ни Фессалии, ни Герцеговины. Мы все вместе *райя*. Да здравствует же Абд-Ул-Азизхан, султан наш *и царь болгарский!*

– Что делать, мы свыклись с турками, – сказал мне, смеясь, однажды еще третий болгарин. – Как-нибудь проживем. Этнография же говорит, что мы отчасти одной породы с ними. И славянские ученые этого не могут вполне отрицать.

Относительно чувств болгар к России вот что можно сказать: большинство болгар образованных России не враждебны; напротив того, они ей желают всякого добра, даже гордятся ее успехами, не прочь при случае от ее помощи (впрочем, *очень осторожной*; смелая помощь не нравится им и вредит в глазах турок, по их мнению). Но и *политически* и, так сказать, *культурно* они желают быть как можно более *болгарами*, как можно менее греками, сербами или русскими.

– Если Россия желает нам бескорыстно того добра, которого мы сами себе желаем, то она поймет, что сближение с турками было

бы для нас выгоднее всего.

– Россия, то есть благоразумная часть России, – ответил бы я такому болгарину, – желает вам блага и не желает, конечно, туркам зла; у нее есть соперники опаснее турок, и ей впору лишь думать о своих западных границах и своих внутренних делах.

Действительно, кто же у нас этого не знает, опасности у России есть серьезные.

Государственные люди и сами нации, если они не ослеплены заносчивой небрежностью, берут меры заблаговременно и тогда еще, когда обстоятельства, по-видимому, весьма благоприятны.

Расчет будущего ведется не на счастливые условия, а на худые.

Дело германского объединения еще не кончено. Голландия, быть может, целая Дания, наши балтийские и завислинские провинции, немецкая часть Австрии – вот еще сколько разных добыч могут иметь в виду германские патриоты. Мы их за это и не осуждаем: политика международная не есть сентиментальная идиллия, которой бы желали иные сердобольные фразеры и столь мно-

гие дельцы, воображающие, что весь мир и в самом деле создан только для спокойного процветания *их* торговли и для развития *их* благоденствия, *их* капиталов.

Международная политика есть неизбежная в истории игра сил, так сказать, механических сил народной жизни. Вопрос ее – вопрос о взаимной *пондерации*[8] этих народных сил. Смотря по эпохе, по внешним обстоятельствам, по внутренней организации своей, всякая нация бывает завоевательной, насильственной или мирной, оборонительной, выжидающей. Но иные нации, иные государства чаще судорожны и буйны; другие очень редко и лишь в крайности. Германия ныне вступила в тот же период, в котором была Франция при Наполеоне I. Разница в том, что у Франции было тогда что сказать свету; свет европейский, видно, нуждался тогда в уроках демократической силы. У Германии нашего времени нет своего слова всемирного. Все, что у нее есть, известно и без нее. Нельзя же величавые (я не хочу сказать великие) принципы 89-го года, как бы они ни были ошибочны и для самой Франции смертонос-

ны, сравнивать с такими сухими утилитарными мелочами, как всеобщая *принудительная* грамотность и тому подобные немецкие вещи.

Поэтому-то Франция, увлекаемая своею мировую идеей, и переступала так далеко и бесплодно для себя, но не без временной пользы для других, естественные границы своего племени; Германии же нет ни нужды, ни призвания переходить за пределы того, что она основательно или нет может считать *германством*.

Но эта самая бедность современной германской идеи и составляет ее силу; идея проще и яснее и имеет даже более подходящую к *правде* и к *праву* физиономию.

Чтобы понять Восточный вопрос в его новой фазе, надо стать на место немцев и спросить себя: «Что для них выгоднее всего в смысле преобладания?»

Ясно, что лучшая комбинация для них была бы вот такая:

1. Ослабить Россию в Балтийском море и на Дунае.
2. Завладеть частью западных окраин Рос-

сии и германскою Цислейтанией.

3. Создать себе на юге союзника достаточно сильного, чтобы он годился ей против России, и достаточно слабого, чтобы он повиновался германскому руководству.

Допустим счастливые условия для осуществления такого плана: Россия побеждена; положение самого Петербурга становится нестерпимым так близко к границе враждебного государства. Нынешняя Австрия, союзник Германии в этой борьбе, по условию отдает ей свои немецкие провинции и Богемию. Династия Габсбургов переносит свою столицу из Вены в Пешт и вознаграждается на первый раз Молдо-Валахией с Добруджей. Молдо-валахов можно привлечь всегда в подобную сделку, присоединив к ним всех австрийских румынов и турецкую Добруджу, в которой румынских сел очень много. Босния с Герцеговиной также могут быть отданы Австрии: у нее у самой много людей сербского племени, которые могут радоваться перенесению центра сербской тяжести из Белграда в Загреб, Дубровник или какую-нибудь иную сербско-католическую местность.

Образование этой югославянской конституционной федерации, с примесью мадьяр и румынов, на развалинах Турции, обеспечило бы за Германией на долгие времена страшный перевес над всем не только европейским, но и ближайшим азиатским миром.

Конфедерация эта была бы *именно настолько сильна*, чтобы сокрушить с помощью Германии влияние России на дела Юго-Востока, и *достаточно слаба*, вследствие сепаратистских наклонностей племен, ее составивших, чтобы повиноваться Германии. Дунай стал бы тогда действительно рекой германскою. Болгария принуждена была бы волей-неволей разделить судьбы других югославян, «и» *царь болгарский* ушел бы далеко за Босфор; *полутатарская* Московия была бы отброшена к Сибири и Кавказу.

Австрия на устьях Дуная, у ворот Царьграда, или, лучше сказать, в самом Царьграде, быть может, и в Варшаве, Австрия угрожающим рассыпным строем опоясывала бы Московию от берегов Балтийских до Черного моря и Дарданелл, а за нею виднелись бы сплошные и твердые германские колонны.

Прекрасное бы тогда было положение эллинов! О, как эти бедные эллины простирали бы тогда руки то в Багдад или Бруссу, к тем умеренным и терпеливым людям, которых так недавно еще звали «варварами», «нечестивыми агарянами», «зверьями в образе человеческом», то к далекой Сибири, к Уралу и к Москве.

С одной стороны, великие войны 66-го и 71-го годов, с другой – по-видимому, столь скромный вопрос греко-болгарский, одинаково изменили физиономию европейской политики.

Австрия становится естественным, физиологическим врагом России, Турции и греков. Турция – естественным союзником России по делам австро-германским и греков, вследствие их антиславянской паники.

Быть может, даже и большинство славян турецких, в минуту грозного решения, станут на сторону султана против *духовного* преобладания немцев, как говорил мне тот почтенный учитель болгарский в уединенном и глухом хану.

В *уединенных, грязных и глухих ханах* Бол-

гари и Фракии есть нынче люди, которые понимают эти вопросы.

Австро-германские дела – вот исходная точка того политического переворота, который, несмотря *на все частные* распри, ранее или позднее, должен хоть по времени объединить в одной высшей, настоящей потребности все или почти все народности и государства европейского Востока.

Я сказал, что выгодно для Германии и Австрии. Сказал, что выгодно для греков и болгар. Сказал, наконец, что выгодно для России в настоящую минуту.

Повторю все это.

Для Германии и Австрии выгодно было бы (если бы это было возможно) ослабление России и разрушение Турции.

Для России *постепенное, осторожное* развитие греков и югославян под владычеством султана; сохранение добрых отношений и с турками, и более или менее со всеми восточными христианами, прежде всего на случай какой-нибудь западной грозы.

Всевозможное миролюбие и всевозможное искусство правителей не может наверное ру-

чаться, что сумеет изменить по своей воле в корне течение исторических судеб.

Я выше говорил, что расчет государственный должен вестись не на одни счастливые случаи, но и на несчастные. Это вернее. Россия миролюбивее других великих держав не по какой-то гуманной монополии. Есть люди очень гуманные, но гуманных государств не бывает. Гуманно может быть *сердце* того или другого правителя; но нация и государство – не человеческий организм. Правда, и они организмы, но другого порядка; они суть *идеи*, воплощенные в известный общественный строй. У *идей* нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно сознанные законы природы и истории. «L’homme s’agite, mais Dieu le mène!»[9]

Россия миролюбива вследствие широты своей – и вещественной, и духовной. Эта широта есть ее исторический *fatum*.

Но русские справедливо хвалятся, что все завоеватели: монголы, поляки, Карл XII, Наполеон I и сам Фридрих прусский – разбились об их спокойную грудь.

Вот поэтому-то Россия и не боится Германии; но правителям России предстоит удалить и устранить, со своей стороны, всякую возможность столкновения. Они хотят, чтобы *совесть была чиста у России.*

России нечего *отнимать* у Германии. Немцы найдут, что отнять у нас, если захотят. Немцы, и преимущественно немцы духа *не чисто прусского, а более либерального*, увлекаемые каким-то злым духом своим, не могут видеть балтийских соотчичей своих в руках России.

Рано или поздно этот кровавый призрак встанет пред нами, мы это знаем, хотя и отдаем всю должную честь мудрому миролюбию наших опытных правителей.

Итак, все соединяется в настоящее время к тому, чтобы Турция была не только сохранена, но и по возможности расположена к нам.

Турки, быть может, этого *еще не поняли*; быть может, и долго не поймут; привычки недоверия вкрались смутно в их души. Немногие у нас в России понимают это. Греки, те уже вовсе, кажется, не понимают и поймут это, я думаю, позднее турок и позднее на-

шего общества (я говорю общества, а не правительства).

Мне кажется, болгары ближе всех к истине, когда, предчувствуя *молодым* инстинктом своим естественное, неизбежное течение дел, они говорят «и царь болгарский». Они каким-то наитием, мне кажется, угадывают ту *среднюю диагональ сил*, по которой уже движется Восточный вопрос, вступивший в совершенно новую фазу после Седанского погрома и... после болгарской литургии 6 января 72-го года.

Литургию эту с точки зрения православия, конечно, хвалить нельзя, точно так же, как и объявление *раскола*.

И те и другие неправы в том, что слишком бесцеремонно употребляют орудием своих племенных препирательств великую святыню *личного, сердечного* православия.

Но можно надеяться, что с переменою некоторых лиц и обстоятельств слово «*раскол*» будет взято назад и этот *частный* вопрос кончится тем, что усталый от собственного напряжения эллинизм войдет в свои естественные эпиро-фессалийские берега.

IV

Повторяю здесь вкратце те заключения, к которым привели меня (ошибочно или нет – не знаю) мое беспристрастие, мое знакомство с современным Востоком и его политическими делами. Болгар против греков я не защищаю. Это и не нужно. Схизма принесла болгарам более пользы, чем грекам.

Болгары, *сравнительно с прежним положением* своим, будут крепнуть; греки, несмотря на все свои усилия *сравнительно с прежними претензиями* своими, будут ослабевать.

Положение болгар в Турции выгодно, и они просят только об одном, чтобы им не мешали жить хорошо с турками.

Но греки, говорю я, напрасно нападают на Россию. Это им вовсе не выгодно, и они скоро образумятся. Это несомненно.

Я становился по очереди на точку зрения греческих опасений и на точку зрения русских интересов.

И те и другие совпали, во-первых, в том, что узкий славизм был бы одинаково опасен и для эллинского племени, и для великорусско-

го царизма.

Я сказал, что, предполагая даже самое худшее в настоящее время с крайне эллинской точки зрения, именно предполагая *неожиданное удаление* турок за Босфор, все-таки *Русское государство, великорусский царизм* (от которого и общество русское ждет еще многого) будет вынуждено *нередко*, если не *постоянно* поддерживать всеми силами своими иноплеменников и этнографических *сирот* Востока – греков, румын, быть может, мадьяр и азиатских мусульман.

Здравая, вполне законная потребность, или более чем потребность, *обязанность* самосохранения *вынудит* такую политику. Чтобы понять, стоит лишь внимательно *поглядеть* на карту Европы и вспомнить историю России.

Я старался показать, сверх того, что историческая судьба России склоняла ее всегда к защите слабейшего, или младшего, или устаревшего, одним словом, того, кто был недоволен своими *ближними* и сильнейшими. Греки, конечно, были бы *слабейшими* не только против всего югославянства, но и против дво-

их соседей своих – сербов и болгар.

Они, еще не чувствуя этого, уже и теперь во многом, как я указывал, слабее даже *одних болгар*.

Подобно тому как Россия никогда не имела и не хотела потворствовать грекам в эллинизации болгар, она не допустит никогда, *пока у нее будет сила*, стереть национальность греков.

Только в немыслимом случае *распадения царства нашего*, у греков не осталось бы надежды на спасение от потока одностороннего славизма.

Это я говорил, допуская возможность скорого удаления турок за Босфор.

Я делал это для изображения лишь *самой крайней возможности*, не более. Я поступил так, как поступают в геометрии, допуская, что у линии есть только длина и *нет ширины*, которая в природе есть всегда у всякой реальной линии.

Я брал Восток Европы, не принимая в расчет австро-германских интересов.

Картина стала *реальнее, ближе к современной истине, практичнее*, когда была взята и

эта сторона в расчет. Оказалось тогда, что туркам и не нужно скоро уходить за Босфор [10].

Наконец, если мы прибавим еще два слова и позволим себе упомянуть здесь, хотя вскользь, о глубине социального европейского вопроса, то общая перспектива современных дел откроется еще яснее; расширяясь, мысль получит плоть. Картина современности станет еще нагляднее и вернее.

С одной стороны, весь Запад, малоземельный, промышленный, крайне торговый и пожираемый глубоко рабочим вопросом. С другой – весь Восток, многоземельный, малопромышленный и не имеющий рабочего вопроса, по крайней мере в том разрушительном смысле, как он является на всем Западе, латинском и германском, – Восток, имеющий громоотвод ему в своей общей многоземельности.

Один американский дипломат сказал так на каком-то обеде:

– Восточный вопрос объемлет все дела Востока, от берегов Китая и Японии до Средиземного моря и Египта... Все державы могут

быть заинтересованы в таких делах... Но задача в том, что Соединенные Штаты и Россия на все эти дела смотрят иначе, чем державы и нации Западной Европы.

(Я не помню в точности *выражений* этого американского посланника, но за *смысл* ручаюсь.)

Да! Пока у Запада есть *династии*, пока у него есть хоть какой-нибудь порядок, пока остатки прежней великой и благородной христианской и классической Европы не уступили места грубой и неверующей рабочей республике, которая одна в силах *хоть на короткий срок* объединить весь Запад, до тех пор Европа и не слишком страшна нам, и достойна и дружбы, и уважения нашего...

А если?..

Если весь *Восток*, многоземельный и могущий произвести охранительные реформы там, где у Европы загорится опять *петролий* [11]... и, конечно, шире и страшнее прежнего; если Восток этот не захочет отдать свои *верования* и надежды на пожрание тому, что тогда назовется, вероятно, тоже *прогрессом*?..

Если Запад не найдет силы отстоять у себя

то, что дорого в нем было для всего человечества; разве и тогда Восток обязан идти за ним?

О нет!

Если племена и государства Востока имеют смысл и залогом жизни самобытной, за которую они каждый в свое время проливали столько своей крови, то Восток встанет весь *заодно*, встанет весь оплотом против безбожия, анархии и всеобщего огрубения.

И где бы ни был тогда центр славянской тяжести, как бы ни были раздражены греки за то, что судьба осудила племя их на малочисленность, *где бы ни была, наконец, тогда столица ислама*, на Босфоре, в Багдаде или Каире, все тогда, и греки, и болгары, и русские (а за ними и турки), будут *заодно* против безбожия и анархии, как была *заодно* когда-то вся Европа против насилующего мусульманства.

Соединенные тогда в одной высокой цели народы Востока вступят дружно в спасительную и долгую, быть может, духовную, быть может, и кровавую борьбу с огрубением и анархией, в борьбу для обновления челове-

ства...

Славяне *одни* не в силах решить этого ужасного и великого вопроса. И если мы уйдем от него, то не уйдут от него эти бедные дети наши, которые растут теперь на наших глазах.

Вот это, друзья-эллины, действительно «великая идея», вот это настоящий *Восточный вопрос*, за который, пожалуй, и стоит страдать и жертвовать жизнью и всем достоянием!

А ваш частный вопрос – босфоро-балканский, ваш этот малый вопрос, он кончится только тем, что племя ваше устанет в борьбе с упорными и ловкими болгарами, *постигнет лучше* свои законные пределы и поймет *очень скоро*, повторяю, что самый верный, самый твердый друг этого *законного эллинизма* пребудет все-таки столь оклеветанная и всепрощающая Россия.

Примечания

Я скоро убедился в этой ошибке моей. Она была очень грубая. (*Примеч. авт. 1884 г.*)

[^^^]

Хартия (фр.).

[^^^]

Натиск на Запад (*нем.*).

[^^^]

4

Греческий патриарх (болг.).

[^^^]

Греки (болг.).

[^^^]

Французы (болг.).

[^^^]

Рок, судьба (*лат.*).

[^^^]

8

От фр. pondération – уравнивание.

[^^^]

Я прошу попомнить, что это писано в 1873 году, т. е. до последней войны. (*Примеч. авт. 1884 г.*)

[^^^]

Керосин.

[^^^]